

IMAGES OF THE SUPERNATURAL WORLD:
BACTRIA-MARGIANA SEALS AND RELATIONS WITH
THE NEAR EAST AND THE INDUS

Joan Aruz

This paper focuses on one aspect of the representation of divinity in the Oxus region: the ways in which animal and human figures are either juxtaposed or their characteristics are combined to create various supernatural creatures. Both the presence and absence of certain attributes are emphasized in the attempt to define the extent to which the imagery of the Oxus region relates to that of its neighbours both east and west. The contrasts, in particular, may serve to underline the uniqueness of the system of beliefs reflected in the highly individual visual expressions that characterize the Oxus civilization.

By the mid-third millennium B.C., the major divinities of the Mesopotamian pantheon become quite recognizable. Represented in human form, they may not only wear specific garments but may also be endowed with attributes derived from cosmic elements or powerful animals. Nearly all gods are crowned with single or multiple bull's horns and the goddess Ishtar may stand on a lion. These animals, as well as bovine-human composite creatures, are pervasive in Mesopotamian imagery, found in the Mesopotamian center and in Syria, Anatolia and Iran. Co-existing with these depictions, however – sometimes on the same seal – are deities, demons, and monsters that derive from other sources and must represent local pantheons. It is this corpus of images that provides the closest comparisons for the figural motifs on objects belonging to the Oxus civilization.

There are some pervasive similarities in the artistic rendering of divine power throughout the Near East, western Central Asia and the Indus Valley. The image of a primary figure controlling felines – lions or tigers – is shared. However, there are also major differences, which seems to illustrate the impact of Mesopotamian divine imagery on the Harappan art, while the deities and demons of Bactria-Margiana belong to a world similar, in part, to that expressed in the arts of southern Iran.

***Киммерийцы: проблемы исторической
и культурной интерпретации***

© 1998 г.

КИММЕРИЙЦЫ И ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Пребывание киммерийцев на древнем Востоке представляет собой один из наиболее ярких периодов их истории, привлекавшей многих отечественных и зарубежных исследователей. Опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении источники, можно говорить о двух аспектах этой проблемы: историческом, связанном с интерпретацией письменных документов, и археологическом, до сих пор практически не затронутом специальными исследованиями.

Одну из наиболее важных категорий источников о киммерийцах составляют ассирово-вавилонские тексты, собранные и проанализированные И.М. Дьяконовым, а недавно вновь рассмотренные в диссертационной работе А.И. Иванчиком¹. К числу этих текстов принадлежат разведывательные донесения царевича Синаххериба и одного из

¹ Дьяконов И.М. Ассирово-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1951. № 2–3 (далее – АВВИУ); *он же*. История Мидии. М.–Л., 1956; Иванчик А.И. Киммерийцы в Передней Азии: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1989. С. 1–17; *Ivanchik A.I.* Les Cimmériens au Proche-Orient / OBO 127. Fribourg Suisse–Göttingen, 1993; *Starr I.* Queries to the Sungod. Divination and Politics in Sargonid Assyria // State Archives of Assyria. V. IV. Helsinki, 1990; *Lafranchi B.I.* Cimmeri. Emergenza delle élites militari iraniche nel Vicino Oriente (VIII–VII sec. a. C.). Padova, 1990.

главных ассирийских разведчиков Ашшуррица царю Саргону (АВИИУ. № 50, 10, 11), датирующиеся последней четвертью VIII в. до н.э. В них упоминается страна Гамир, т.е. страна киммерийцев, которая локализуется к северу или северо-западу от Ванского царства, вероятнее всего на Северном Кавказе. Эта локализация в отличие от остальных, которые будут названы ниже, подкрепляется археологическими материалами предскифского времени. На Северном Кавказе выявлены погребения киммерийцев и их союзников из числа местного кавказского населения. Интересно, что в целом ряде этих захоронений конца VIII – первой половины VII в. до н.э. (могильники Индустрия-1, Клин-Ярский III и др.) найдены предметы древневосточного облика – шлемы, панцири, нагрудные конские «пекторали» и т.д. Их появление здесь следует связывать с начальным периодом киммерийских походов в страны Ближнего Востока².

Страна Гамир переднеазиатских источников может быть сопоставлена, хотя и с определенной долей условности, со страной Киммерией, упомянутой Геродотом (IV. 12) и впоследствии захваченной скифами. Значительная часть последних в эпоху архаики локализовалась на Северном Кавказе, в том числе в Закубанье³. Именно Северо-Западный Кавказ считается центром исторических киммерийцев, память о которых долго жила на берегах Керченского пролива, тесно связанного с Кубанью и географически, и исторически⁴. Из Закубанья, а также и более восточных районов Предкавказья, в первую очередь Кабардино-Пятигорья, киммерийцы совершали грабительские набеги через Кавказ в страны древнего Востока. Предложенная нами локализация страны Гамир согласуется с мнением многих исследователей о том, что киммерийцы, появившись с севера, угрожали границам государства Урарту⁵.

И.М. Дьяконов и некоторые другие авторы также локализуют страну Гамир на Кавказе, но к югу от Главного Кавказского хребта: либо в Центральном Закавказье, либо в современной Аджарии и Восточном Понте⁶. Т. Сулимирский и А.М. Лесков склонны помещать Гамир несколько южнее, к западу от озера Севан⁷.

Ранее преобладала точка зрения о локализации страны Гамир в Каппадокии (А.Т. Олмстед, М. Штрек, Л. Уотерман, Б.Б. Пиотровский, Г.А. Меликишвили, Л.А. Ельницкий), которая основывалась на том, что в качестве названия Каппадокии в древнеармянском языке использовался топоним «Гамирк». Исследователи локализовали эту киммерийскую область также как соседнюю со страной Гуриани (АВИИУ. № 50, 11). Последняя соотносилась с упомянутой в анналах Сардури II страной Куриани, расположенной близ Чалдырского озера, вероятно в верховьях р. Куры⁸.

² *Белинский А.Б.* К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. 1990. № 4. С. 190; *Дударев С.Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 51. Табл. 15–17; *Эрлих В.Р.* У истоков раннескифского комплекса. М., 1994; *Махортых С.В., Черненко Е.В.* О кавказских пекторалиях VIII–VII вв. до н.э. // РА. 1995. № 2. С. 26.

³ *Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. С. 8.

⁴ *Артамонов М.И.* Третий Разменный курган // СА. 1948. X. С. 177.

⁵ *Rolle R.* Urartu und die Reiternomaden // Saeculum. 1977. XXVIII. Ht 3. S. 291–332; *Sulimirski T.* The Background of the Ziwiyé Find and its Significance in the Development of Scythian Art // Bulletin of the Institute of Archaeology. 1978. 15. P. 7; *Yamauchi E.* Foes from the Northern Frontier. Invading Hordes from the Russian Steppes. Baker, 1982. P. 52.

⁶ *Дьяконов И.М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 169; *Diakonoff I.M.* The Cimmerians // Monumentum Georg Morgenstierne. Leiden, 1981; *Diakonoff I.M., Kashkai S.M.* Geographical Names According to Urartian Texts / Répertoire géographique des textes cunéiformes, 9. Wiesbaden, 1981. P. 71; *Иванчик А.И.* Киммерийцы и Урарту накануне восьмого похода Саргона II // ВДИ. 1990. № 3. С. 10; *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и древний Восток. М., 1992. С. 189. Заметим, что указанные авторы опираются при этом на археологические материалы раннескифского облика, выявленные на данных территориях. Однако эти материалы датируются не ранее 700 года до н.э., тогда как сообщение о стране Гамир относится к 720–714 гг. до н.э. Подобные расхождения датировок не позволяют согласиться с указанной локализацией страны Гамир.

⁷ *Sulimirski T.* Prehistoric Russia. An Outline. L., 1970. P. 396; *Leskov A.M.* Die skythischen Kurgane // Antike Welt. 1974. Sondernummer. S. 48.

⁸ *Пиотровский Б.Б.* История и культура Урарту. Ереван, 1944. С. 295; *Ельницкий Л.А.* Киммерийцы и киммерийская культура // ВДИ. 1949. № 3. С. 16; *Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 22.

Страну Гамир в свою очередь искали дальше на севере или западе, т.е. в Малой Азии. Однако это предположение не имеет достаточных оснований. Как было показано И.М. Дьяконовым, киммерийцы осели в Каппадокии лишь во второй половине VII в. до н.э., после разгрома их скифами⁹. Это находит подтверждение и у Геродота (IV. 11), который сообщает, что киммерийцы, спасаясь от скифов, заселили полуостров, на котором теперь находится эллинский город Синопа. Достаточно позднее утверждение киммерийцев в Каппадокии обосновывается и другими авторами¹⁰.

В свою очередь, заметим, что в часто цитируемом сообщении Ашшуррица царю Саргону II о том, что «Гуриани – область между Урарту и Гамирра», ничего не говорится о непосредственном соседстве этих, якобы граничащих друг с другом областей. Между ними скорее всего локализовались и другие области, иногда просто «выпадающие» из текста¹¹. Представляется довольно сомнительным, чтобы киммерийцы, только появившиеся на границах с Урарту, сразу же приобрели здесь какие-либо собственные постоянные административно-территориальные владения¹². Статус и местонахождение многих областей и стран, упоминаемых в ассирийских текстах, остаются еще не вполне ясными, поэтому к сообщению о существовании особой страны Гамир к югу от Главного Кавказского хребта надо относиться с большой осторожностью. Нельзя исключать здесь и подмену понятий, когда под исходной территорией киммерийских походов на юг – страной Гамир, локализующейся на Северном Кавказе и непосредственно примыкающей к областям Закавказья с севера, подразумевались районы местонахождения киммерийских подвижных отрядов во время их набегов на Закавказье и Переднюю Азию. Косвенным образом об этом свидетельствуют данные надписи «призмы А» Асархаддона (680–669 гг. до н.э.), рассказывающие о победе ассирийского царя над войском Теушпы – киммерийца, «обитавшего далеко» (АВИИУ. № 65)¹³. В качестве места этого сражения источники называют Хубушну, находящуюся, по мнению ряда исследователей, в Восточной Анатолии¹⁴.

Соглашаясь с мнением о расположении страны Гамир рядом с Малой Азией, трудно понять, почему ассирийцы, внимательно следившие в это время за воинственными северными кочевниками, не сообщают о довольно близком месте их обитания. Отсутствие таких упоминаний указывает, по нашему мнению, на отдаленность страны киммерийцев и недостаточность в Ассирии сведений об областях, лежащих к северу от Главного Кавказского хребта.

Заканчивая рассмотрение вопроса о местонахождении страны Гамир, отметим также мнение итальянского ученого У. Коццоли, согласно которому эта местность находилась к востоку или северо-востоку от Урарту¹⁵. При этом, как и его предшественники, исследователь ссылается на АВИИУ. № 50, 11, где упоминается область Гуриания, которую он, однако, связывает не с областью Куриани урартских текстов, а с гурианиями – народом, жившим, согласно Страбону (XI. 14. 14), вдали от

⁹ Дьяконов. Предыстория... С. 172.

¹⁰ Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974. С. 28; Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 45; Иванчик А.И. О киммерийцах Аристея Проконнеского // Античная балканистика. М., 1987. С. 53.

¹¹ Ср. Иванчик. Киммерийцы и Урарту накануне восьмого похода Саргона II. С. 9.

¹² В этой связи обращает на себя внимание замечание В.Б. Виноградова (Виноградов В.Б. О скифских походах через Кавказ. Грозный, 1964. С. 26) о первом упоминании скифов в ассирийских надписях, которые связывают их не с государственным образованием, а именно с войском (отрядом) под главенством походного вождя Ишпаки. В остальных немногочисленных случаях скифы также упоминаются как военно-этническая единица. И лишь Партатуа назван царем страны скифов, локализация которой в южных районах восточноевропейских степей более вероятна, чем в Закавказье или Приурмийском районе. См. также Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. О локализации «Царства Ишкуза» // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989. С. 95–97.

¹³ Даты правления ассирийских царей даны по кн.: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975.

¹⁴ Дьяконов. История Мидии. С. 235, 238; Иванчик. Киммерийцы в Передней Азии. С. 7. См. также Tokhtas'ev S.R. Cimmerians // Encyclopaedia iranica. V. V. Fasc. 6. N.Y., 1991. P. 565.

¹⁵ Cozzoli U. I Cimneri. Roma, 1968. P. 97.

Армении, по соседству с мидянами и сарапарами. Против этого возражает А. Кристенсен, которая локализует страну Гамир в области Манна¹⁶. Близкой точки зрения придерживается и М. Сальвини, помещающий Гамир к югу или юго-востоку от оз. Урмия¹⁷. Итак, нет недостатка в предложениях по данному вопросу. Однако при его рассмотрении опираться необходимо на весь комплекс источников, включая археологические, учитывая при этом также динамику участия киммерийцев в событиях древневосточной истории VIII–VII вв. до н.э.

Помимо событий, связанных с неудачным походом урартского царя Русы I (730–714 гг. до н.э.) на страну киммерийцев и разгромом его войска около 714 г. до н.э. (И.М. Дьяконов, Б.Б. Пиотровский, Г.А. Меликишвили, А.А. Барамидзе, И. Алиев, ван Лун, Р. Ролле) или в 714 г. до н.э. (Р. Барнет, А. Кристенсен, А. Камменхубер, А.И. Иванчик), значительный интерес представляет одно из писем Куянджикского архива саргоновского времени, написанное Арад-Сином (АВИИУ. № 50, 8). Оно упоминает о вторжении некоего киммерийца на территорию Урарту из Манны. Вследствие того, что в этом документе упоминается правитель Муцацира Урзана, это нападение киммерийцев на Уаси, область, локализирующуюся к юго-западу от оз. Урмия, следует датировать временем, близким к походу урартов на страну Гамир¹⁸. Военные неудачи ослабили Урарту, чем не замедлила воспользоваться Ассирия. Саргон II (721–705 гг. до н.э.) выбрал момент, наиболее подходящий для наступления и добился успеха (поход 714 г. до н.э. против Урарту)¹⁹. Все это привело к самоубийству Русы I, а также вызвало в стране смуту, за которой последовали восстания областеначальников.

По мнению Б.Б. Пиотровского, на древнем Востоке известно два района длительного пребывания киммерийцев – в восточной части Каппадокии и в стране Манна на юге оз. Урмия²⁰. Близкой точки зрения придерживается и И. Алиев, замечая, что, столкнувшись в пределах закавказских земель с урартами, киммерийцы разделились на два больших потока: один направился на юго-запад в Каппадокию, а другой – на юг, в области Манны²¹. Ее правители одни из первых поняли, насколько выгоднее будет не воевать с этими северными кочевниками, а «поселить» их на своей территории и использовать киммерийские отряды в качестве союзников или наемного войска. Именно этим решением в значительной степени объяснялась мощь и успешная борьба Манны с Ассирией в эпоху Асархаддона. В то же время нельзя забывать и о заинтересованности самих ранних кочевников в этом чрезвычайно удобном и подходящем для них районе Ирана²². Необходимо только добавить, что начало его освоения было связано с киммерийцами, оценившими стратегические и экономические возможности этого региона уже во второй половине VIII в. до н.э. С экономической точки зрения важным является то обстоятельство, что в области оз. Урмия находились районы, жители которых отличались умением разводить лошадей²³. В ассирийских источниках при перечислении дани с приурмийских областей дань лошадыми не ставилась на первое место. Поселение Аниаштания на границе областей Суби и Сангибуту Саргон II называет «домом табунов». Особо следует выделить сообщение (АВИИУ. № 49) о том, что маннейский царь преподносит Саргону «упряжных лошадей вместе с их снаряжением». Данное обстоятельство позволяет

¹⁶ Kristensen A.K. Who were the Cimmerians and where did they Come from? Copenhagen, 1988. P. 18.

¹⁷ Salvini M. La storia della regione in epoca urartea e i documenti // Tra lo Zagros e l'Urmia. Ricerche storiche ed archeologiche nell' Azerbaigian iraniano // Incunabula Graeca. 1984. LXXVIII. P. 45 f.

¹⁸ Иванчик. Киммерийцы и Урарту... С. 16.

¹⁹ Более точно об этом походе и его маршруте см. Медведская И.Н. К уточнению маршрута похода Саргона в 714 г. до н.э. // ВДИ. 1989. № 2. С. 100–117.

²⁰ Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 233.

²¹ Алиев И. История Мидии. Баку, 1960. С. 225.

²² Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С. 45.

²³ Кацкай С.М. Из истории Маннейского царства. Баку, 1977. С. 84.

наметить пути проникновения отдельных кочевнических деталей оформления узды в ассирийский репертуар, хорошо представленный на знаменитых рельефах. Мы имеем в виду ставшие уже хрестоматийными уникальные бронзовые ажурные пряжки из Носачевского погребения на Черкасщине, которые, по мнению опубликовавшей их Г.Т. Ковпаненко, находят аналогии среди деталей конского снаряжения, изображенных на ассирийских рельефах времени Саргона II в Хорсабаде и Ашшурбанапала (668–635 гг. до н.э.) в Ниневии²⁴. Подобные соответствия, вероятно, могут служить археологическим подтверждением участия киммерийцев в переднеазиатских походах²⁵. Об этом же свидетельствуют и некоторые другие археологические находки из правобережного лесостепного Поднепровья, в том числе бронзовые оковки от щитов из Черняховского клада под Киевом²⁶. Эти оковки состоят из четырех выпуклых блях разной величины, наложенных друг на друга в виде концентрических кругов. Крайний круг украшен выпуклым орнаментом из ряда обращенных в одну сторону крючков. Средний, самый широкий круг орнаментирован линиями, расположенными в виде лучей. В середине бляхи находится маленькая полушаровидная выпуклость. По мнению А.А. Иессена, связь этих предметов с Закавказьем и областями древнего Урарту сомнений не вызывает²⁷. То же можно сказать и о близких им северокавказских находках, например об обивке бронзового щита и нагруднике из Бештаугорского клада конца VIII – начала VII в. до н.э., также украшенных рельефными концентрическими кругами²⁸. Значительный интерес представляют и бронзовые фалары конской узды из Каневского района Черкасской области. Это округлые диски с бортиком, украшенные рельефными лепестками и точечным орнаментом по краю. Ближайшие соответствия им известны также на Северном Кавказе и на ассирийских рельефах саргоновского времени (последней четверти VIII в. до н.э.), когда киммерийцы и появляются на древнем Востоке²⁹. Еще одна находка, имеющая отношение к пребыванию киммерийцев на интересующей нас территории, сделана в Иране. Из погребения в Амлаше происходят два редчайших для этого региона наконечника стрел: трехлопастные с ромбической головкой и выступающей втулкой³⁰. Близкие аналогии им имеются именно в погребении VIII–VII вв. до н.э. в Юго-Восточной Европе. Все эти совпадения не случайны и свидетельствуют о реальности киммерийцев и их походов в страны древнего Востока.

После киммерийско-урартского конфликта второй половины VIII в. до н.э. киммерийцы начинают упоминаться в клинописных текстах лишь при Асархаддоне. Это,

²⁴ Ковпаненко Г.Т. Носачівський курган VIII–VII ст. до н.е. // Археологія. 1966. XX. С. 174–178. Рис. 2, 5–10.

²⁵ Однако, необходимо учитывать следующие обстоятельства. Находки из Носачева и близкие им детали узды из Квиток (Ковпаненко Г.Т., Гунало Н.Д. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 44. Рис. 5, 1) функционально не соответствуют бляхам, изображенным на ассирийских рельефах. Сходство между ними отчасти внешнее. Первые – это дополнительные привески к удилам для соединения с поводом, вторые – детали декора нагрудных ремней конского снаряжения. Прототипами для тех и других (имеется в виду прежде всего форма изделий) скорее всего послужили так называемые застежки, распространенные в евразийском ареале в IX–VII вв. до н.э. (Махортых С.В. Проблемы киммерийской истории и Кавминводы // Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск, 1992. С. 32. Рис. 1). Об этом свидетельствуют и более древние, чем упомянутые выше рельефы, настенные росписи из Тиль-Барсиба, эпохи Тиглатпаласара III (744–727 гг. до н.э.), на которых также имеются близкие анализируемым изображения уздечных принадлежностей (см. Hüttl H.G. Riemenbesatz vom Tur Aržan: eine «Kimmerische» Leitform // BAVA. 1981. Bd. 3. S. 36. Abb. 3, 4). О происхождении и функциональном несходстве носачевских пряжек и ассирийских изображений см. Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб., 1992. С. 81.

²⁶ Мельник К. Каталог коллекции древностей А.Н. Поль в Екатеринославе. Киев, 1993. С. 42. Табл. VI, 74.

²⁷ Иессен А.А. К вопросу о древней металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. 1935. 120. С. 166.

²⁸ Он же. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 124. Рис. 13.

²⁹ Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994. С. 22. Рис. 3, 2.

³⁰ Медведская И.Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II тыс. – первой половины I тыс. до н.э. // СА. 1980. № 4. С. 31. Рис. 2, 5.

вероятно, объясняется изменением ситуации на юге Восточной Европы, вызванным появлением из восточных районов Евразии нового кочевого населения, известного нам как скифы. Видимо, после столкновения с Урарту в 714 г. до н.э. киммерийцы возвратились на исходные территории юга Восточной Европы. Их возвращение фиксируется появлением целого комплекса предметов древневосточного облика VIII–VII вв. до н.э. в предскифских захоронениях Северного Кавказа и Украины (Могильники Клин-Ярский III, Индустрия-1, погребение у с. Квитки и др.). О политической нестабильности в этот период, связанной с передвижениями населения и появлением скифов, свидетельствует горизонт кладов типа Новочеркасского, который датируется концом VIII – началом VII в. до н.э.³¹ Ко времени освоения скифами Предкавказья, о котором сообщают и письменные источники (Diod. II. 43), относится также разрушение поселений местных жителей (Дербентского и Сержень-Юртовского). Все эти факты позволяют определить время появления скифов на Северном Кавказе в пределах конца VIII – начала VII в. до н.э. Однако киммерийцы как этнос исчезли далеко не сразу. Судя по археологическим находкам начала VII в. до н.э. отдельные их группы откочевали с территории Предкавказья в лесостепные районы Украины, в степной Крым и, возможно, карпатско-дунайский регион. В свою очередь письменные источники свидетельствуют, что во второй половине VII в. до н.э. часть киммерийцев продолжила противостоять скифам в Малой Азии. Последнее, однако, не исключало существования между ними кратковременных союзнических отношений, особенно во время их противостояния Ассирии в 70-е годы VII в. до н.э., когда скифы впервые появились на древнем Востоке и нуждались в поддержке хорошо ориентирующихся здесь киммерийцев. В конце 70-х (а возможно и начале 60-х) годов VII в. до н.э. киммерийцы угрожали Ассирии и районам, которые находились под ее влиянием. В это время они концентрировались на юго-западе Урарту и в районе оз. Урмия – факт, который отражен в надписях ассирийских царей³². При этом киммерийцы поддерживали таких противников Ассирии, как Манна, Мидия и Урарту. О враждебных действиях киммерийцев к востоку от Ассирии, в районе Манны и Мидии сообщается в текстах эпохи Асархаддона, значительную часть которых составляют запросы к оракулу бога Шамаша. Особенно важно, что в этих документах в качестве врагов Ассирии, действующих в союзе с маннеями и мидянами, наряду с киммерийцами впервые упоминаются и скифы (около середины 70-х годов VII в. до н.э.). Вскоре, однако, «царь страны скифов» Партатуа счел выгодным вступить в союз с Асархаддоном и взять на себя весьма ответственные обязательства перед ниневийским монархом. Вообще мидийские события, имевшие место около 674–671 годов до н.э. и приведшие к обретению Мидией независимости, занимают особое место в судьбе киммерийцев и скифов. После перехода Партатуа на сторону Ассирии они все ответственнее выступают по отношению друг к другу как противники. Раскол между бывшими союзниками по антиассирийской коалиции определял отношения между ними и в последующие десятилетия на территории Малой Азии, куда в это время переместился центр киммерийской активности. Скифы продолжали поддерживать Ассирию, в то время как киммерийцы находились в союзе с Урарту. Эта поляризация сил, сложившаяся на древнем Востоке к концу 70-х годов VII в. до н.э., очевидна и противоречит отождествлению скифов и киммерийцев, а также нивелированию последних до уровня одного из скифских племен. При Ашшурбанпале борьба Ассирии с киммерийцами продолжалась. Последние представляли опасность для северо-западных районов Ассирии, прикрывающих выход к Средиземному морю. Судя по письму астролога Аккулану (около 657 г. до н.э.) под контроль киммерийцев перешла по меньшей мере часть Сирии, ранее принадлежавшая Ассирии³³. Как отмечает И.М.

³¹ *Махортых С.В.* Кочевники и вопросы происхождения кладов VIII–VII вв. на юге европейской части СССР // *Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1992.* С. 37–42.

³² *Yusifov Y.B.* On the Scythians in Mannea // *Societies and Languages of the Ancient Near East.* Warminster, 1982. P. 349–356; *Starr.* *Queries to the Sungod...* P. LXI–LXII.

³³ *Иванчик.* Киммерийцы в Передней Азии... С. 9.

Дьяконов, в 50–40-х годах VII в. до н.э. сын Прототия Мадий и скифы продолжали оставаться союзниками Ассирии, в то время как Тугдамме и киммерийцы были союзниками Урарту³⁴. Это противостояние закончилось столкновением киммерийцев со скифами, спровоцированным Ассирией, а также, по-видимому, гибелью вождя киммерийцев Тугдамме. В результате этих событий, имевших место после 645 г. до н.э. (по И.М. Дьяконову), или около 640 г. до н.э. (по М. Когану, Х. Тадмору), киммерийцы были вынуждены отступить в Каппадокию и были окончательно разбиты в конце VII в. до н.э. лидийским царем Алиаттом³⁵.

Рассмотренные свидетельства письма источников позволяют сделать вывод о реальности киммерийцев как древнейшего из народов юга Восточной Европы, оставившего заметный след в событиях мировой истории I тыс. до н.э.

О существовании киммерийцев как самостоятельного этноса свидетельствует, на наш взгляд, содержание самого термина «киммерийцы». Большинство исследователей согласно с тем, что киммерийцы, являясь древнейшими обитателями степных пространств к северу от Главного Кавказского хребта, были неоднородны и что само их название в качестве собирательного имени распространилось на местное доскифское население обширной территории от Волги до Дуная. В то же время происхождение самого термина «киммерийцы» вызывает споры и объясняется по-разному. Критический разбор этих толкований уже предпринимался, что избавляет нас от повторений³⁶. Мы же остановимся на точке зрения И.М. Дьяконова, вызвавшей значительный научный резонанс. В своих более ранних работах исследователь придерживался мнения о том, что слово «киммерийцы» было конкретным названием или даже самоназванием племени или небольшой группы ираноязычных племен, вторгшихся в Азию с Тамани и из западных областей Кавказа³⁷. В дальнейшем он выдвинул гипотезу, что термин «киммерийцы» вообще не является этнонимом, а означает «подвижный отряд ираноязычного кочевого населения евразийских степей»³⁸.

Этимологическое объяснение И.М. Дьяконовым этнонима киммерийцев как самоназвания со значением «подвижной отряд» вполне допустимо. В то же время упоминание в книге Бытия (X. 2–5) имени Гомер, которое обычно рассматривают как этноним киммерийцев, может свидетельствовать об использовании этого термина и в качестве этнонима. Известное в греческой ономастике имя Κιμμέριος также неразрывно связано с этносом их носителей³⁹. Следует учитывать, что обмен между именами собственными и нарицательными, а также между именами собственными разных категорий происходил постоянно. В связи с этим можно привести средневековые аналогии, имеющие отношение к происхождению таких кочевнических этнонимов, как «кипчак» или «тюрк»⁴⁰. Особый интерес представляют ойратские этнонимы «хошоут» и «торгоут», в которых нашел свое отражение военный строй далекого прошлого⁴¹. Так, слово «хошуун» означает по-монгольски «острие», «клюв», а также воинский строй – авангардное построение типа клина. Что же касается этнонима «торгоут», то во времена Чингисхана существовали отряды под названием «турхауты», которые охраняли ставки вождей племен, а позднее дворцы монгольских ханов. От множественного числа этого слова и произошел этноним «торгоут». По всей вероятности,

³⁴ Дьяконов. История Мидии. С. 286.

³⁵ Там же. С. 285; Cogan M., Tadmor H. Gyges and Ashurbanipal: A Study in Literary Transmission // *Orientalia*. 1977. V. 46. Fasc. 1. P. 84.

³⁶ Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984. С. 75–84; *Ivantchik. Les Cimmériens au Proche-Orient*. P. 127–154.

³⁷ Дьяконов. История Мидии. С. 238, 241.

³⁸ Дьяконов И.М. К методике исследования по этнической истории («киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 98; *Diakonoff. The Cimmerians*. P. 103–140.

³⁹ Скржинская М.В. Герои киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи VII–VI вв. до н.э. // ВДИ. 1986. № 4. С. 89.

⁴⁰ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 22, 24; Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 550.

⁴¹ Санчилов В.П. «Илэтхэл Шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990. С. 64.

этноним «киммерийцы» имел сходную предысторию и был связан с определенными подразделениями военной или социальной организации. В событиях древневосточной истории VII в. до н.э. принимали участие разноэтничные кочевые племена: киммерийцы, скифы, а также, по-видимому, саки. Поэтому важной задачей является изучение все увеличивающегося в Передней Азии археологического материала, связываемого с кочевниками, и выделение в нем киммерийского пласта древностей. В значительной степени это стало возможным благодаря успехам, достигнутым в изучении позднейшего предскифского периода на юге Восточной Европы (работы А.И. Тереножкина, А.М. Лескова, С.Л. Дударева, В.Р. Эрлиха, О.Р. Дубовской и др.). Были выделены памятники исторических киммерийцев, ранних скифов и так называемые «смешанные» комплексы, включающие элементы обеих культур. В настоящее время большинство исследователей не сомневается в существовании киммерийской и скифской культур. Имеющиеся данные не позволяют согласиться как с противниками локализации киммерийцев в Северном Причерноморье, где якобы отсутствуют археологические следы киммерийцев, так и с теми, кто считает, что невозможно археологически разделить киммерийские и скифские древности в Передней Азии, поскольку эти два кочевых народа обладали одной «доскифской» (И.М. Дьяконов) или «раннескифской» (И.Н. Медведская, А.Ю. Алексеев, А.И. Иванчик, С.Р. Тохтасьев) культурой. Последние ссылаются на два-три наиболее известных памятника Восточной Анатолии (Норшун-тепе, Имирлер), содержащих раннекочевнические материалы и датирующиеся, по их мнению, первой половиной VII в. до н.э. Авторы делают вывод, что если в письменных источниках на этой территории киммерийцы упоминаются в 670–630 годах до н.э., а в данных комплексах, по их мнению, найдены раннескифские вещи, то культуры киммерийцев и ранних скифов тождественны. Необходимо отметить, что с точки зрения стратиграфии памятника (Норшун-тепе), а также вещевого набора этих комплексов, в дополнительном обосновании нуждается их датировка первой половиной VII в. до н.э. Кроме того, эти комплексы являются смешанными и содержат предметы урартского, скифского и киммерийского облика. Их появление можно объяснить совместными действиями киммерийцев и скифов на древнем Востоке в VII в. до н.э. При этом невозможно судить о происхождении и соотношении культур киммерийцев и скифов на основании наборов из отдельных предметов вооружения и конской узда. Данные категории инвентаря являются незначительной частью всего комплекса материальной культуры этих народов, полно представленной на других территориях и в первую очередь в степной и лесостепной зонах Восточной Европы и Северного Кавказа.

К числу наиболее известных следов пребывания кочевников на древнем Востоке относятся многочисленные наконечники стрел с втульчатой формой насадки, появление которых здесь связано с евразийским влиянием⁴². Самые ранние из этих наконечников стрел, по мнению Т. Сулимирского, найдены в Анатолии во фригийских слоях поселений (Богазкёй, Пазарли, Гэвур-Келеси) и связаны с киммерийским нашествием⁴³. Присутствие на Ближнем Востоке киммерийских наконечников стрел признает и С. Клезиу⁴⁴. К их числу он относит двухлопастные наконечники с ромбической или лавролистной головками (типы E2, E4, E6 и, возможно, E3, по его классификации), появляющиеся в Малой Азии в начале VII или конце VIII в. до н.э. Близкой точки зрения придерживается и И.Н. Медведская, согласно которой киммерийцам «могли принадлежать двухлопастные наконечники стрел с ромбической головкой»⁴⁵. Заметим, что данное положение согласуется как с общеисторической ситуацией (зафиксированное письменными источниками пребывание киммерийцев на этой территории), так и археологическими данными. Поскольку ромбические наконечники ранне-

⁴² Медведская. Металлические наконечники стрел... С. 30.

⁴³ Sulimirski T. Scythian Antiquities in Western Asia // *Artibus Asiae*. 1954. XVII. P. 308.

⁴⁴ Cleuziou S. Les pointes de flèches «scythiques» au Proche et Moyen Orient // *Le Plateau iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique*. P., 1977. P. 190, 191.

⁴⁵ Медведская. Металлические наконечники стрел... С. 33.

скифского времени были тесно связаны с северопричерноморскими двухлопастными стрелами IX–VIII вв. до н.э., типа найденных в Малой Цимбалке и Высокой могиле, они не могут рассматриваться как инновация VII в. до н.э., имеющая отношение к появлению здесь скифов⁴⁶. Киммерийцам могли принадлежать не только двухлопастные, но и трехлопастные наконечники стрел, известные, как уже указывалось выше, и в Иране (Амлаш), причем наиболее близкие параллели им содержатся в предскифских памятниках VIII–VII вв. до н.э. Юго-Восточной Европы (Носачев). Последние, по мнению А.И. Тереножкина, были старейшими трехлопастными наконечниками, выявленными в Северном Причерноморье⁴⁷.

Заканчивая рассмотрение «киммерийских» наконечников стрел, нельзя не упомянуть и о находках, сделанных в Гордионе (точнее, в «городе Мидаса») – столице Фригийского царства, разрушенной киммерийцами в первой четверти VII в. до н.э. Там обнаружены двухлопастные наконечники с лавролистным, приостренным к вершине пером и выступающей конусовидной втулкой⁴⁸. Аналогии им известны в предскифских памятниках VIII–VII вв. до н.э., в том числе на Северном Кавказе в могильнике Индустрия-1, откуда происходит также и бронзовый панцирь ассиро-урартского типа⁴⁹. Формой втулки эти наконечники сходны с негативами наконечников стрел литейной формы Новочеркасского клада. Последние в свою очередь хорошо представлены в целом ряде киммерийских погребений юга Восточной Европы – Зольное, Красовская и др.

Значительный интерес представляет находка уздечного кольца «киммерийского типа» с обломанной муфтой из конского погребения в Норшун-тепе (Анатолия)⁵⁰. Подобные уздечные кольца выявлены в таких предскифских памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Восточной Европы, как Уашхиту, Пшиш, Бутенки, где они связываются с упряжью колесниц⁵¹. Эти находки также относятся к пласту восточноевропейских древностей, в которых прослеживаются военные контакты киммерийцев с Передней Азией и Закавказьем. Среди этих древностей в первую очередь должны быть названы бронзовые шлемы ассирийского типа (могильник Клин-Ярский III, Фаскау), детали чешуйчатых панцирей (Уашхиту, Клин-Яр III, Кабан-Гора, Индустрия-1), так называемые «пекторали» (Клин-Яр III, Султан-Гора, Бештау), бронзовые удила (тип Енджа-Константиновка), возникшие на базе местных прототипов, но с использованием переднеазиатского принципа жесткого крепления удила и псалиев (Таухабль). С влиянием древневосточных цивилизаций некоторые исследователи связывают также проникновение в раннекочевническую среду ряда орнаментальных мотивов и изделий, декорированных в технике перегородчатой инкрустации, характерной для переднеазиатской торевтики⁵². Приведенные примеры позволяют говорить о достаточно тесных контактах обитателей юга Восточной Европы и древнего Востока в позднейший предскифский период.

В заключение подведем основные итоги. История пребывания киммерийцев в

⁴⁶ Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59. С. 20. Судя по половине литейной формы, найденной в Новочеркасском кладе, в ней изготовлялись листовидные наконечники стрел. Ромбовидная форма придавалась им при отделке. Данное обстоятельство, по нашему мнению, позволяет включать в новочеркасский тип и наконечники с листовидной головкой и более-менее длинной втулкой, встреченные в памятниках VIII–VII вв. до н.э. юга Восточной Европы и древнего Востока. Это также противоречит точке зрения исследователей (Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993), отрицающих присутствие на древнем Востоке киммерийских древностей и, в частности, бронзовых наконечников стрел.

⁴⁷ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 135.

⁴⁸ Haspels С.Н. Phrygie. La cité de Midas. Т. 3. Р., 1951. Р. 97. Pl. 42 a, b.

⁴⁹ Афанасьев Г.Е., Ковенкова В.И. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска // СА. 1981. № 3. С. 164. Рис. 3, 2.

⁵⁰ Hauptmann H. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien // Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien. Mainz, 1985. P. 260. Abb. 4, 9.

⁵¹ Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.

⁵² Kossack G. Fremdlinge in Fars // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. 1987. Bd 20. S. 122–126.

Передней Азии насчитывает в общей сложности около 100 лет. Появившись здесь в последней четверти VIII в. до н.э. из страны Гамир, локализующейся к северу от Главного Кавказского хребта, киммерийцы принимали активное участие в событиях древневосточной истории, сталкиваясь здесь как с Ассирией и Урарту, так и со скифами. Противостояние этих двух группировок вполне очевидно и противоречит их отождествлению друг с другом. О реальности киммерийцев как этноса свидетельствуют также существование этнонима «киммерийцы» и археологические материалы, подтверждающие участие киммерийцев в переднеазиатских походах.

С.В. Махортых

CIMMERIANS AND THE ANCIENT EAST

S.V. Makhortykh

The article is devoted to the consideration of the written and archaeological sources having a bearing on the presence of the Cimmerians in the ancient East.

They stayed in the territory for about 100 years. Having arrived here in the last quarter of the 8th c. B.C. from the country of Gamir localized in the North Caucasus, this fearsome nomadic force took an active part in the events of ancient oriental history fighting Assyria and Urartu, as well as the Scythians. The confrontation of these two nomadic groupings is quite obvious and prevents their identification with each other. The existence of the ethnonym «Cimmerians» and the archaeological materials conforming the participation of the Cimmerians in the Near Eastern campaigns of the 8th – 7th c. B.C. testify to the reality of the Cimmerians as an ethnos. Only the use and analysis of various kinds of sources, in the first place written and archaeological ones, may bring us nearer to the solution of the Cimmerian problem in general and its ancient oriental aspect in particular.

© 1998 г.

СТЕПНЫЕ КОЧЕВНИКИ НА ВОСТОКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ. НАХОДКИ И ПАМЯТНИКИ В СВЕТЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ*

Население восточной части Центральной Европы всегда поддерживало контакты со своими восточными соседями – кочевыми группами евразийских степей. Названия этих кочевников нам по большей части известны: это киммерийцы, скифы, сарматы, гунны, авары, мадьяры, монголы. Оставленные ими следы имеют самый разный характер. О большей части этих кочевых групп мы хорошо осведомлены благодаря письменным источникам. Так, нам точно известны направления и даты их вторжений. Это верно в первую очередь для монголов, мадьяр, авар, гуннов и сарматов. Гораздо меньше сооб-

* Статья представляет собой переработанный и дополненный вариант доклада, прочитанного в мае 1994 г. в Центре сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. Поскольку изложенные в данной статье положения имеют важное методическое значение для исследования археологии кочевых народов в целом и их вторжений на соседние территории, редакция сочла целесообразным опубликовать ее в рамках дискуссии о киммерийцах. Ср. также более подробное изложение взглядов автора по данному кругу проблем: *Parzinger H. Vettersfelde – Mundolsheim – Aspres-les-Corps. Gedanken zu einem skythischen Fund im Lichte vergleichender Archäologie // Kulturen zwischen Ost und West / Festschrift G. Kossack. B., 1993. S. 203 ff.*